

ПРОТОЗОРОАСТРИЙСКИЙ ХРАМ В МАРГИАНЕ И ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗОРОАСТРИЗМА

Археологические раскопки последних двух десятилетий на крайнем востоке Туркменистана, в Юго-Восточных Каракумах, в бассейне древней дельты р. Мургаб привели к открытию ранее практически неизвестной страны — Маргуш Бехистунской надписи, или Маргианы античных авторов. Раскопки показали, что с начала II тыс. до н. э. здесь, в контактной зоне песков и такыров, на территории свыше 3000 кв. км складывается древнеземледельческая культура, обязанная своим происхождением как выходцам из Южного Туркменистана, так в еще большей степени племенам, пришедшим из Восточного Ирана. Постепенно в бассейне р. Мургаб образуются несколько древних ирригационных оазисов, обитатели которых составляют союз племен, объединенный центральной властью. Оригинальная культура страны Маргуш документируется развитыми формами керамического производства и металлообработки, земледельческо-скотоводческим характером хозяйства, строительным делом, глиптикой и сфрагистикой.

О существовании особой, маргианской школы монументального зодчества говорят материалы, полученные при раскопках кремля на столичном памятнике Гонур-1 и особенно храмового комплекса в пункте Тоголок-21, который относится к рубежу II—I тыс. до н.э. В пункте Тоголок-21 располагаются два холма: на северном находилось небольшое по размерам обычное бытовое поселение с гончарными горнами на окраине, а на холме в 200 м южнее — второе поселение, слабо выраженное в рельефе, возвышающееся над окружающей поверхностью всего на 1 м. Именно здесь было полностью раскопано монументальное сооружение храмового типа. Оно получило название Тоголок-21. Раскопки показали, что этот монументальный комплекс был возведен на месте небольшого естественного холма. В качестве строительного материала использован сырцовый прямоугольной формы кирпич (со средними размерами $44 \times 24 \times 12$ см), сложенный на глиняном растворе. К началу раскопок сохранность памятника была очень плохая: в результате естественной дефляции стены всего комплекса оказались почти полностью смыты, их сохранность в среднем не превышает 0,5 м, а местами 10—15 см, поэтому полы помещений в ряде случаев совпадают с естественной поверхностью.

В истории этого сооружения можно наметить три основных периода. Первый, когда по единому плану было построено все здание, состоящее из центральной «крепости», и двух вписанных одна в другую прямоугольных оград (рис. 1). Во второй период, когда здание стало приходить в упадок и его размеры сокращались, краевые части были использованы под обычные помещения жилого и хозяйственного назначения. Если стены первого периода покоятся на материке, то второго периода — на уже накопившихся культурных слоях, в основном мусорно-зольных. Показательно, что во второй период центральная «крепость» практически не была затронута этой застройкой бытового назначения. Наконец, в третий период это место забрасывается, а бывшие руины приспособляются под кладбище. На площади центральной «крепости» ни одного погребения обнаружено не было.

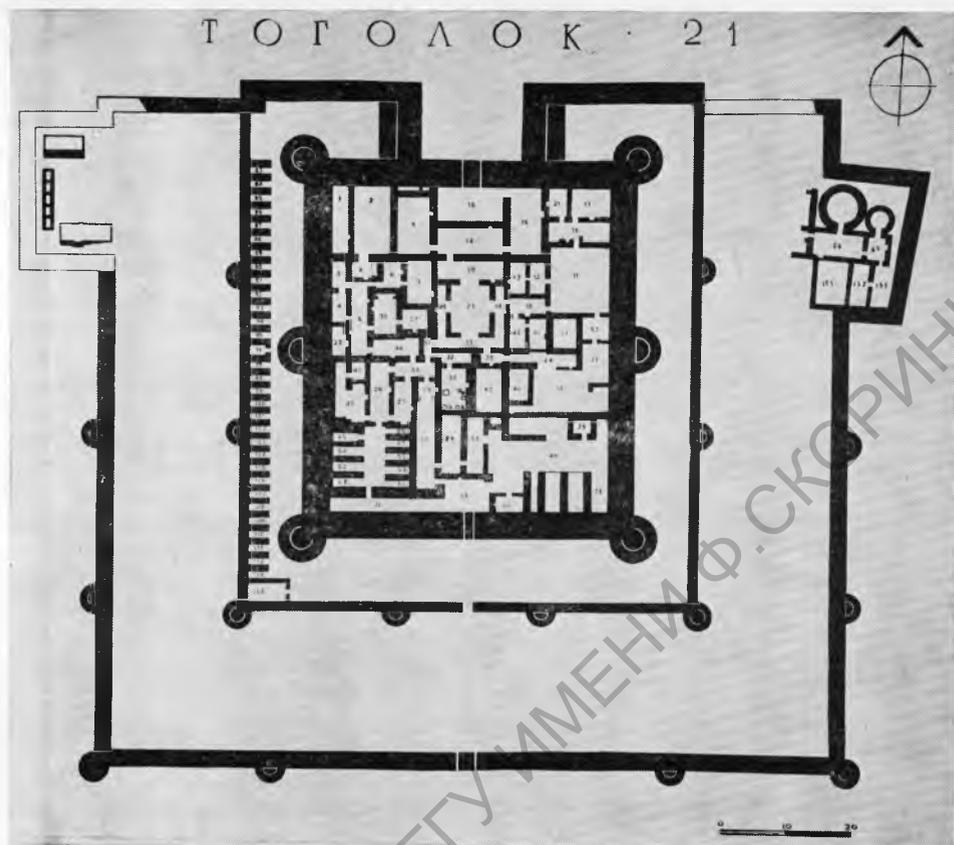

Рис. 1. Тоголок-21. Общій вид храма

По-видимому, с самого начала строители по готовому плану обвели естественное всхолмление гигантским прямоугольником внешней, обводной стены (размеры 140×100 м), строго ориентированным по сторонам света. Ширина внешней стены достигает 2,5 м, что позволяет предполагать общую высоту до 5—6 м. По углам были устроены круглые, а по периметру полукруглые полые башни. Следов лестниц внутри них обнаружено не было.

Внутренняя площадь этого гигантского прямоугольника осталась незастроенной. Видимо, она предназначалась для большого числа людей. Лишь в северо-западной и северо-восточной частях внутри обводной стены были устроены две специально выделенные площадки, бесспорно имевшие особое назначение. Одна из них — «площадка с платформами» — располагается в северо-западном углу и состоит из двух плохо сохранившихся прямоугольных платформ, устроенных прямо на материке. Южная ограждена по внешнему краю тонкой стенкой, сложенной из одного ряда кирпичей. Можно предположить, что первоначальная высота ее не превышала 0,5 м. Это могла быть открытая платформа с оградкой по краю, с нишами и проходами, оказавшаяся к моменту раскопок заложеной изнутри кирпичной закладкой. Северная платформа сохрани-

лась много хуже, но и она первоначально имела оградку по внешнему краю.

Рядом с платформами и тоже в материке устроено пять глубоких прямоугольных камер, которые расположены в ряд и сильно обожжены изнутри. Отсутствие каких-либо продухов или поддувал исключает их бытовое назначение; можно предположить, что «площадка с платформами» являлась местом, где проходили церемонии, связанные с культом огня, который мог возжигаться в алтарях в честь богов, как бы незримо восседавших на платформах.

Вторая «алтарная» площадка расположена в противоположном углу комплекса и аккуратно выложена кирпичной выстилкой. На ней было выстроено несколько взаимосвязанных между собой помещений; об их особом назначении говорит тот факт, что стены и полы их были покрыты белой гипсовой обмазкой (рис. 2). Входы из двух таких помещений ведут в два круглых однотипных, но разных размеров алтаря, расположенных в открытом дворике. Меньший алтарь, как показали раскопки, был заполнен толстым слоем золы белого цвета; он был заложен сверху, как бы «запечатан», сплошной кирпичной закладкой. Внутри стены и полы сохранили следы слабого воздействия огня: создается впечатление, что сюда сыпали угли, разожженные где-то на стороне.

Более сложен по конструкции второй алтарь. Раскопки показали, что с самого начала в материке была вырыта огромная яма, стены которой изнутри выложены кирпичной обкладкой. Почти на трехметровой глубине, на дне ямы сохранился слой золы, показывающий, что здесь разводили сильный огонь. Поверх зольного слоя были возведены две кирпичные стены, образующие крест с четырьмя подтреугольными отсеками; в каждый из них вкопано по пять пифосов, все вверх дном, поверх которых идет кирпичная выстилка, образующая дно самого раннего алтаря. В центре него, в небольшом углублении имеется тонкое, но четко выраженное зольное пятно. Среди пифосов, часть которых имеет высоту свыше 1 м, выделяется небольшой сосуд с двумя трубчатыми носиками, точная аналогия которого была найдена в Бактрии.

Лежащий выше слой песка с погребением и двумя пифосами, видимо, отмечает какой-то временной перерыв, так как сверху вновь виден четко выраженный уровень, покрытый слоем золы, которая, однако, отсутствует в центре алтаря. Наконец, в последний период дно алтаря делается в виде конуса, в центре которого — небольшое углубление, заполненное угольками и золой. На протяжении всех трех периодов вход в алтарь находился в одном и том же месте и соединялся прилегающим проходом со смежным помещением. Обращает на себя внимание «пятно» тонкой корочки от какой-то засохшей жидкости, расположенное у самого входа в алтарь, на его кратерообразной поверхности. Раскопки показали, что этот алтарь также был заложен изнутри, как бы «запечатан», кусками кирпича, а на самом верху целыми кирпичами в один ряд. Аналогичная картина отмечена и для вышеописанных платформ. Возможно, это указывает на преднамеренную консервацию алтарей и платформ в самый последний период существования храма.

«Пятно» у входа в алтарь и найденная здесь же костяная трубочка (она употреблялась скорее всего для культовых возлияний) позволяют допустить, что в алтаре происходили церемонии, связанные с многократными возлияниями, в результате чего и образовалось «пятно».

Внутри незастроенной площади первой ограды располагается вторая — размером 80 × 70 м при ширине 1,5 м, что предполагает высоту не менее

Рис. 2. Восточный комплекс. Общий вид алтарей

3 м. Как и внешняя стена, она имеет по углам круглые, а по периметру стен — полукруглые башни. Вся внутренняя часть прямоугольника стен ограды оказалась незастроенной, кроме западной стороны, где вдоль стены расположены вытянутые в цепочку свыше 30 однотипных, чрезвычайно узких камер с проходами, обращенными в одну сторону. Судя по органическим остаткам на полах, некоторые из них, видимо, были застелены шерстяными коврами, что может указывать на назначение этих неудобных камер (возможно, это были кельи для аскетов).

Наконец, внутри и этой ограды было встроено еще одно центральное здание типа своеобразной крепости: размеры 60×50 м при ширине стен до 4,5 м с круглыми башнями по углам и полубашенками по середине западной и восточной стен. Общая ширина стен предполагает их первоначальную высоту до 10—12 м, что должно было потребовать около одного миллиона кирпичей для их строительства.

В северной части всего комплекса располагаются остатки плохо сохранившегося центрального въезда, оформленного пилонами, выступающими вперед. Второй, гораздо более узкий проход имеется в середине южной стены крепости, связывая ее с площадью внутри второй ограды (рис. 3).

Судя по тому, что строители поместили «крепость» в центре, за высокими стенами двух прямоугольных оград, можно заключить, что это была главная, сакральная часть в системе всего комплекса Тоголок-21. Застройка внутри крепости отличается продуманной планировкой, строго подчинена ее функциональному назначению. Вся застройка была возведена сразу, по единому плану и отличается правильной конфигурацией прямоугольных помещений, которые образуют сплошной массив с несколькими микроблоками строго определенного назначения. Вместе с тем вся внутренняя застройка «крепости» делится на две половины цепочкой узких, коридорообразных помещений: северную — парадную и южную — подсобную.

Рис. 3. Общий план храма. Аэрофото
На переднем плане «площадка с платформами»

Парадная часть отличается от подсобной тем, что практически все ее помещения сохранили не только на стенах, но и на полах белую гипсовую обмазку (иногда до 7—8 ремонтных промазок), что уже само по себе указывает на их особое назначение. Центральное, организующее место в парадной части занимает «крытый дворик» (пом. № 23) с вестибюлем (пом. № 20) и тремя обводными коридорами (пом. № 14, 24 и 39), составляя своего рода сакральную часть в системе всей «крепости». Именно здесь, очевидно, проходили главные культовые церемонии. Конкретные формы их остаются пока неизвестными, но на каком-то этапе в «крытом дворике», судя по раскопкам, произошли перестройки, связанные с жертвоприношениями. Свидетельство того — керамическая выстилка (первоначально ее не было) с отходящей от нее под полом дренажной системой в виде желоба, составленного из обломков крупных сосудов. По аналогии с жертвенниками месопотамских храмов можно говорить о том, что эта выстилка служила местом заклания жертвенных животных, а дренаж — для стока крови. Аналогичное устройство зафиксировано и в пом. № 2, но оно относится к еще более позднему времени и было перерезано огромной ямой.

Если «крытый дворик» составляет центральную, организующую часть крепости, то микроблок к западу от него (пом. № 3—8, 22, 36, 37, 48), по-видимому, был связан с молениями. Свидетельством тому могут служить два однотипных помещения № 8 и 36 со специальными кирпичными возвышениями-подиумами в торцовых частях, покрытых белоснежной гипсовой обмазкой. Оба эти помещения, очевидно, служили молельнями: они буквально до деталей напоминают помещения № 2 и 3 круглого храма Дашлы-3 в Северном Афганистане. Показательно, что этот микроблок наглухо изолирован от расположенного рядом «крытого дворика», но зато связан общим проходом с расположенными к югу от него пом. № 25—28,

40, 41, 47, 49, 54, 57, 59, 60, 62—65 — здесь в кельях могли проживать храмовые служители, молившиеся в этих молельнях. Назначение остальных помещений северной, парадной части, исключая двор (пом. № 2), остается пока неясным.

Так же и в южной, подсобной части наиболее точное назначение имеет пом. № 34, которое через систему запутанных проходов соединяется с «крытым двориком», что может указывать на их функциональную взаимосвязь. По своему устройству помещение № 34 резко отличается от всех остальных: вдоль стен устроены специальные ступенчатые кирпичные возвышения, в которые были вкопаны пифосы, их нижние части прочно скреплены с возвышениями толстым слоем гипсовой обмазки. Кроме того, на возвышениях сохранились остатки своеобразных «ванночек», как бы выдавленных в толстом слое гипса; их назначение пока тоже остается неясным.

Органические остатки со дна пифосов были исследованы проф. Н. Р. Мейер-Меликян (биофак МГУ). По ее заключению, это были микроскопические остатки веточек эфедры. Это растение, как известно, содержит алкалоидный экстракт — эфедрин. Здесь же, на полу пом. № 34, была обнаружена костяная трубочка с гравированными изображениями огромных человеческих глаз, точно соответствующая вышеупомянутой трубочке из большого алтаря. В той же лаборатории МГУ внутри трубочки была обнаружена пыльца мака, причем не в виде единичных спор, а большими скоплениями. Наконец, на каменных терках и пестиках были выявлены микроскопические остатки зерен мака. Поскольку остатки эфедры и мака были обнаружены не только в этом, но и в других помещениях «крепости» Тоголок-21, то это полностью исключает элемент случайности. Ведь кроме пыльцы, которая могла быть принесена ветром, были выявлены микроскопические остатки зерен мака и веточек эфедры.

Полученные данные показывают, что пом. № 34 было связано с приготовлением опьяняющих и галлюциногенных напитков, способных приводить человека в эйфорическое состояние. Возможно, не случайно, что на костяных трубочках всегда выгравированы только преувеличенно большие глаза с расширенными зрачками (рис. 4). Известно, что при употреблении наркотиков (особенно из мака) зрачки расширяются, так как все окружающие человека предметы, воспринимаемые глазами, приобретают нереальные, огромные размеры. (Рис. 4, 7, 10, 11 см. вкл.).

Ископаемые остатки эфедры и мака, найденные в Тоголоке-21, выделяют этот памятник среди известных монументальных сооружений всей Передней Азии. Если это соотносить с алтарями огня, «площадками с платформами», то станет очевидным, что в Тоголоке-21 практиковались культы огня и опьяняющего напитка — последний имел приоритетное значение. В этой или иной форме наркотические вещества использовались в культовых целях многими религиями мира, но лишь у индоиранских, арийских племен этот культ занимал едва ли не самое главное место, причем наряду с ним был распространен и культ огня. Это дает веские основания относить Тоголок-21 к культовым сооружениям храмового типа, связанным с религиозными представлениями индоиранских племен.

В «Авесте», как известно, культовый напиток называется хаома, в «Ригведе» — сома, причем в обоих источниках сохранилось сходное описание процесса его приготовления. Для этого из предгорий привозилось растение (хаома-сома), которое долго вымачивалось в чанах с водой, затем растиралось каменными терками и пестиками; полученную массу разбавляли водой, смешивали с молоком, в том числе кислым, ячменем и остав-

ляли бродить в больших сосудах. В конце этого сложного и длительного процесса питье процеживали через специальные ситечки, отделяя сок от остальной массы.

Если обратиться к археологическим находкам в Тоголоке-21, то нетрудно убедиться в наличии здесь всех атрибутов, необходимых для приготовления напитка типа «сома-хаома». В самом деле, огромные конической формы чаны были найдены во многих помещениях, глубоко зарытыми в полы, причем в некоторых из них, как, например, на дне чана из «крытого дворика», были обнаружены микроскопические веточки эфедры. На полах многих помещений крепости были найдены каменные терки, пестики и зернотерки (часть их сохранила микроскопические зерна мака, причем обнаружены они в таком количестве, что явно превышают нужды и потребности даже обычных бытовых памятников). Столь же показательны небольшие цецилки со сквозными отверстиями на дне и в особенности сосуды стандартной конической формы, средних размеров с большим отверстием в центре дна; прикрытое клочком шерсти, оно могло применяться для процеживания.

Итак, налицо полный набор предметов, необходимых для приготовления опьяняющих и галлюциногенных напитков. Существенно, что если раньше остро дискутировался вопрос о том, какое растение употреблялось для этого, то теперь со всей определенностью ясно — для обитателей страны Маргуш это были мак и эфедра. Особый вид — эфедра-интермедия до сих пор произрастает в предгорьях Копетдага, и можно полагать, что именно отсюда растение доставлялось в Юго-Восточные Каракумы в древности. По данным И. А. Стеблин-Каменского, современные зороастрийцы Индии экспортируют это растение из Ирана, используя его для культовых церемоний.

В Тоголоке-21 приготовление опьяняющего напитка происходило в центральной, явно сакральной части всего храмового комплекса, что указывает на его назначение в первую очередь для культовых возлияний, хотя он был также связан с культом огня. Суммируя факты, можно с большой долей вероятности реконструировать общие контуры культовых церемоний. Приготовленный напиток разливался по священным сосудам и сначала использовался при церемониях в «крытом дворике», возможно, вместе с жертвоприношениями животных на керамической выстилке с дренажной системой. Затем процессия через южные ворота вступала на площадь внутри ограды, заполненную паломниками, и двигалась в направлении к алтарной площадке и площадке с платформами. В первом случае у круглых алтарей могли происходить культовые церемонии, связанные с ритуальными возлияниями: в мерцании разожженных углей малого алтаря в большой алтарь из специальных сосудов выплескивался священный напиток типа хаомы. Помимо «пятна», доказательством этого может служить костяная трубочка, употреблявшаяся для питья ритуального напитка. На расположенной по другую сторону «площадке с платформами», возможно, чуть ли не ежедневно возжигался огонь в глубоко вырытых в материке прямоугольных камерах-алтарях (рис. 5).

Безусловно, будущие исследования конкретизируют и уточняют наши выводы, но и сегодня нет сомнений, что Тоголок-21 являлся сооружением публичного назначения, своеобразным «кафедральным собором», связанным с ритуальными возлияниями и с культом огня (рис. 4). Лишь в одной религии мира — в зороастризме — оба эти культа играли главную роль, что выделяет Маргиану как один из немногих центров, где можно искать истоки этой религиозной системы.

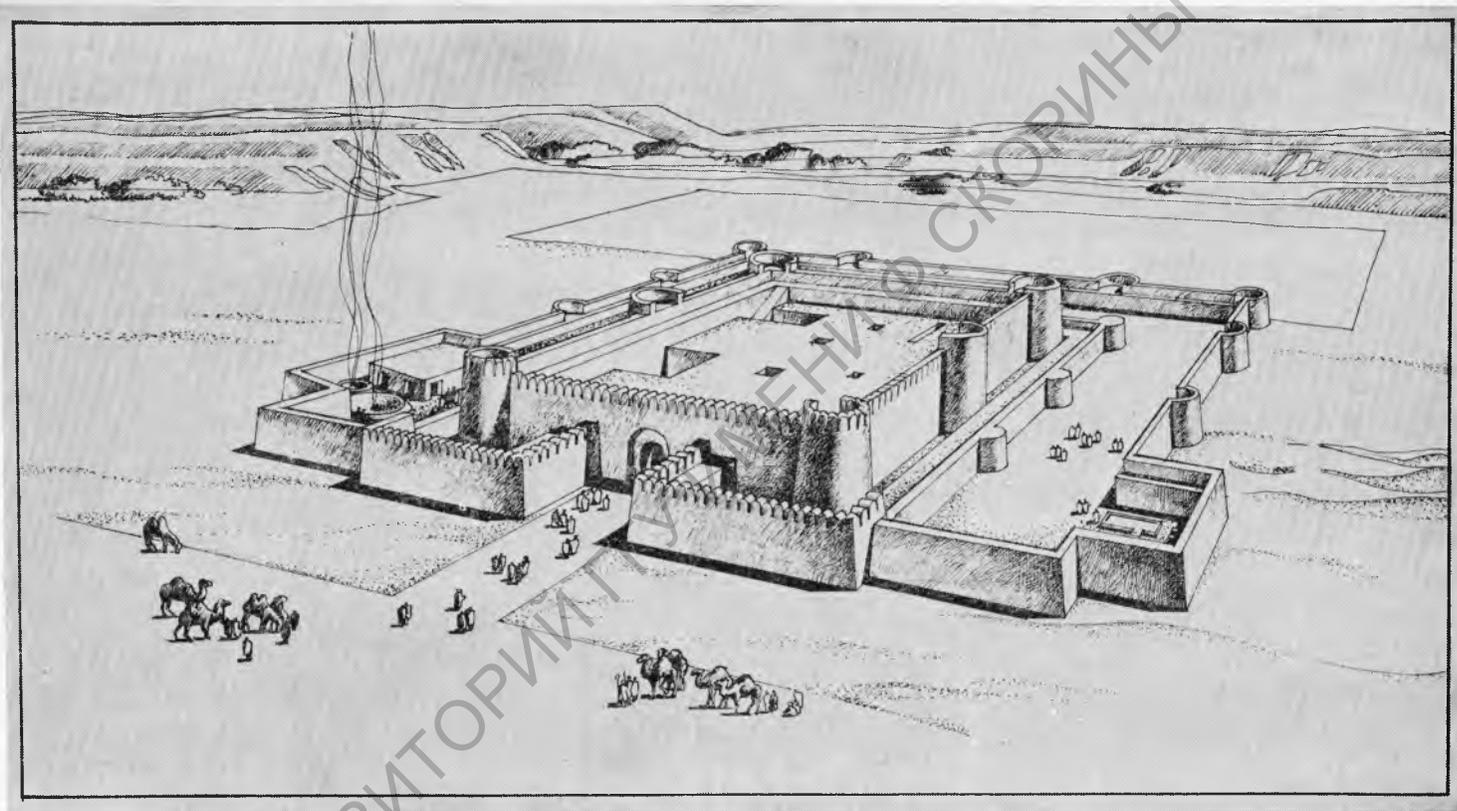

Рис. 5. Храм. Реконструкция В. Антонова, Я. Паромова

Общий план храма Тоголок-21 не находит прямых аналогий и лишь в определенной степени может быть сопоставлен с Овальным Храмом в Хафадже (Месопотамия). Их роднит между собой лишь основной принцип: вписанные одна в другую ограды, заключающие в центре в одном случае ступенчатое сооружение типа зиккурата, а в другом — «крепость», связанную с культовыми возлияниями. Нетрудно заметить, что родство это чисто формальное, и общая планировка Тоголока-21 пока остается уникальной, указывая на существование особой, маргианской школы древнего зодчества. Это в свою очередь предполагает высокий уровень развития у местных племен определенных знаний математики, основ геометрии и астрономии. Укажем, например, на существование особого модуля, равного примерно 7,5 м; ему соответствуют в общей форме диаметр большого алтаря, диаметр башен крепости, длина южной платформы и помещений, в том числе «крытого дворика». Удвоение модуля, т. е. 15 м, соответствует размерам микрокомплексов пом. № 1, 2, 9, 16, 18, 19 и № 3—9, 22, 36, 37, 48. Особого интереса заслуживает тот факт, что «крытый дворик» отстоит на расстояние 15 м от внутренних плоскостей западной и восточной стен и на 22 м от их внешних плоскостей. Хотя утроение модуля — 22,5 м не укладывается с точностью в общую планировку памятника, но модуль в 22 м широко использовался строителями, и он прослеживается почти повсеместно в общей планировке памятника. С другой стороны, двойное уменьшение основного модуля (3,75 м) укладывается в диаметр малого алтаря и в диаметры всех башенок и полубашенок обеих оград Тоголока-21. Конечно, все эти выкладки имеют самый общий характер — ведь тогда существовала совсем другая метрическая система, но это никак не ставит под сомнение существование у местных архитекторов особого модуля.

В юго-восточной части Тоголока-21, за внешней обводной стеной, обнаружено огромное скопление золы (размером 4×2 м при глубине свыше 1 м) и большое число битой керамики, возможно, образовавшейся в результате чистки алтарей в период их существования. Аналогичное скопление золы, но больших размеров, найдено у юго-восточного угла предполагаемого храма на столичном Гонур-1. Все эти наблюдения, очевидно, не случайны, они, возможно, указывают на бережное отношение храмовых служек к золе, оставшейся в алтарях.

Явно культовое назначение храма Тоголок-21 подтверждается и комплексом находок, сделанных в основном на полах «крепости». Это церемониальный топор, стеатитовый конус с изображением «горы с деревом» — типичного мотива месопотамской глиптики, но в отличие от него со змеями, вставшими на свои хвосты, что является типично местной переработкой привнесенного мотива. Особого интереса заслуживает каменный амулет, выточенный в форме верблюда, который облизывает заднюю ногу, — он выполнен в лучших традициях древневосточного искусства. Фигура вырезана в рельефе с тонкой гравировкой всех деталей и свидетельствует о высочайшем камнерезном искусстве мастеров Маргианы. На оборотной стороне глубокой резьбой изображен свирепый бык, которого сверху атакуют три орла, а за его спиной — ноги, скорее всего, прыгающего акробата (рис. 6). Длинная плетенка под ногами быка отделяет вторую композицию, от которой сохранились фигуры людей — одна полностью и одна частично. Наконец, на плоском основании вырезана сцена охоты, и, хотя фигура охотника не сохранилась, виден туго натянутый лук со стрелой, гончая собака и взбирающийся на гору козел, шея которого поражена стрелой. Все эти сюжеты более всего напоминают

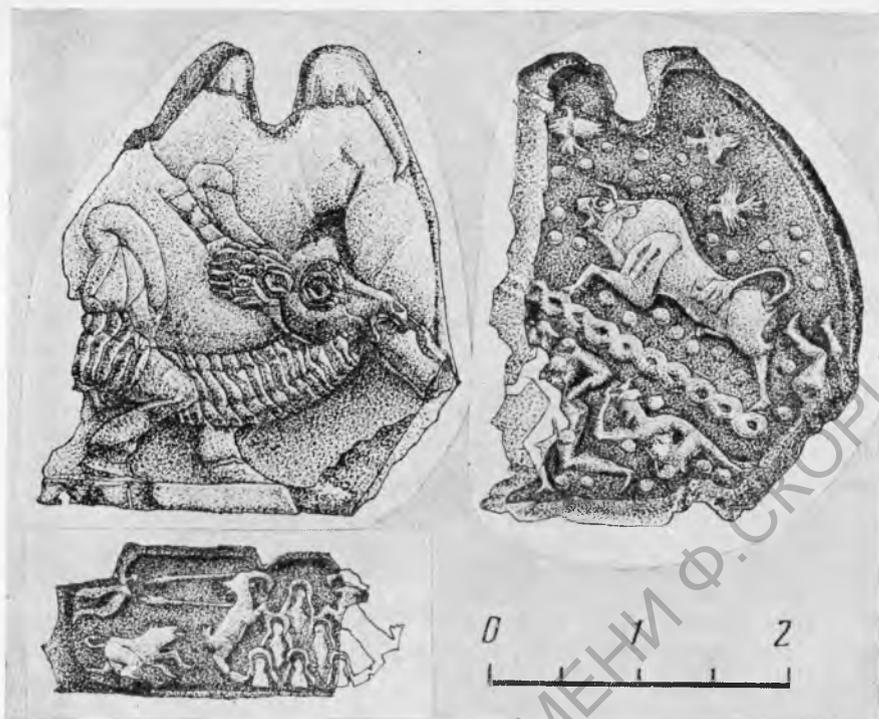

Рис. 6. Каменный амулет, выточенный в виде верблюда: а — с оборотной стороны в верхнем регистре мчащийся бык и атакующие его орлы; б — ноги предположительно летящего в воздухе акробата; в — основание амулета с изображением сцены охоты

ассирийское искусство¹, и можно было бы принять амулет за импорт, если бы не фигура верблюда, — мотив, очень редкий в глиптике Двуречья, но зато широко распространенный в искусстве Маргианы и Бактрии (рис. 7). В целом же этот амулет — подлинный шедевр древневосточного искусства. Скорее всего он принадлежал жрецу, занимавшему высокое место в храмовой иерархии. Внутри одной из камер, на площадке с платформами найден амулет из гретого стеатита с изображением четырехлепестковой розетки с одной стороны и сидящего быка — с другой.

На особое назначение памятника указывают также миниатюрные колонки, обнаруженные лишь в северной, парадной части крепости (их более 30 экземпляров), культовое назначение которых несомненно (рис. 8). В таком большом количестве в качестве храмовых атрибутов они впервые встречены в Тоголоке-21. Все они выточены из разных пород мраморовидного камня в виде столбиков до 0,5 м высотой, с тщательно заполированной до зеркального блеска поверхностью. На обеих торцовых сторонах часто выточены желобки, причем одна такая миниатюрная колонка сохранила «крышку», выточенную из одного куска камня также с желобком сверху. Установлено, что зона их распространения включает Восточный Иран (единичные фрагменты из Элама, к тому же во вторичном использовании, по убедительному мнению П. Амье, являются импортом с Востока²), Афганистан, южные области Средней Азии и Белуджистан.

¹ Amiet P. *L'Art antique du Proche-Orient*. P., 1973. Fig. 776.

² *Idem*. *L'Age des échanges inter-iraniens*. P., 1986. Fig. 97. P. 101—104.

Рис. 8. Миниатюрные колонки

В Иранском Сеистане, на поселении Шахри Сохта, обнаружены наиболее ранние миниатюрные колонки, относящиеся еще к III тыс до н.э.; в Афганском Сеистане, в Годари Шах, были встречены во вторичном использовании каменные «гири» и миниатюрные колонки³, в таком большом количестве известные еще только в Гиссаре и Тоголоке-21. Не исключено, что поблизости от Годари Шах находился храм наподобие храма Тоголок-21, в состав храмовых атрибутов которого могли входить эти культовые изделия — на поверхности памятника они оказались в результате естественных процессов дефляции, обнаживших полы помещений.

Следующую группу культовых изделий в Тоголоке-21 составляют небольшие алебастровые цилиндры с оббитым верхним концом и выемкой в основании. В одном случае рядом с таким цилиндром находился стеатитовый конус-основание, на который мог быть посажен сам цилиндр. Такие двусоставные изделия скорее всего имели культовое назначение, а оббитые верхние концы могут указывать на использование их при ритуальных растираниях. Близкие по типу изделия происходят из разграбленных могил Южной Бактрии и встречаются в харапских поселениях долины Инда, где они также имели особое назначение⁴.

На полу помещения, примыкавшего к большому алтарю, была найдена крупная многолучевая розетка, выточенная из темного стеатита; она служила скорее всего в качестве эмблемы: точно такая же, но более парадная, происходит из разграбленных могил Бактрии⁵ (рис. 9).

Исключительный интерес представляет мраморная головка быка:

³ Dales G. Prehistoric Research in Southern Afghanistan // Afghanistan. Kabul, 1972. V. XXIV. № 4.

⁴ Idem. Sex and Stone at Mohenjo Daro // Frontiers of the Indus Civilization. New Delhi, 1984. P. 101—115.

⁵ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.

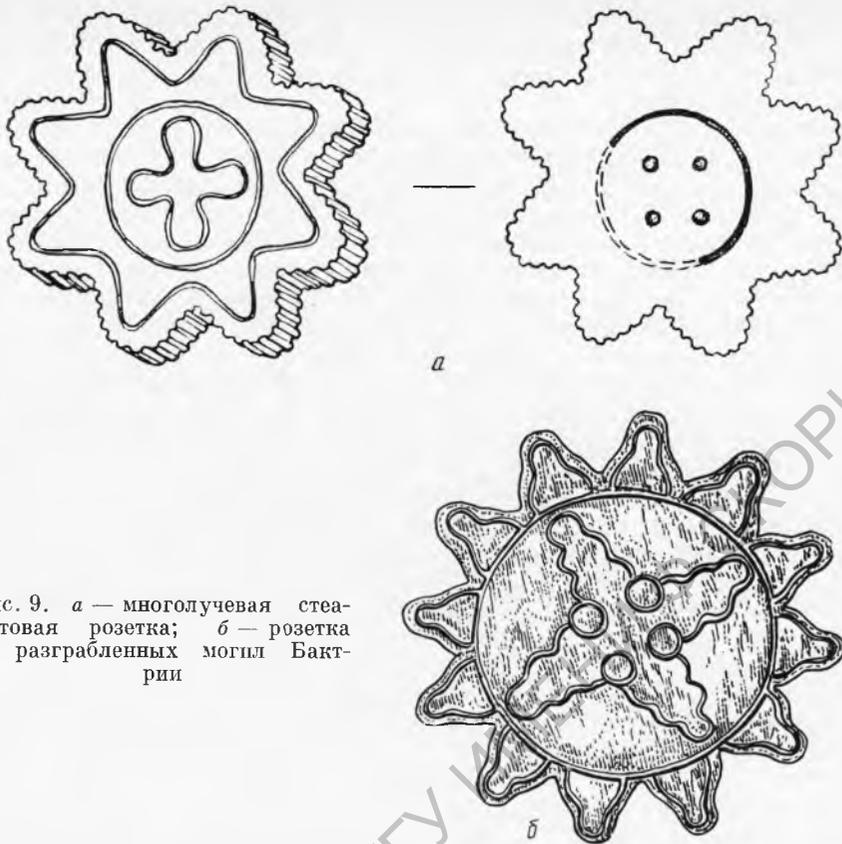

Рис. 9. а — многолучевая стеатитовая розетка; б — розетка из разграбленных из могил Бактрии

рога изготовлены отдельно, возможно, из другого материала и вставлялись в специальные отверстия. С тыльной стороны головка тщательно заглажена, по краям три отверстия для крепления, очевидно, к деревянному стержню; она напоминает своеобразную булаву, подобную тем, что до сих пор употребляются зороастрийскими жрецами при посвящении в сан⁶. В этом отношении показательна хорошо известная золотая головка быка с Алтын Депе, также со вставными рогами и отверстиями для крепления. В. М. Массон правильно подметил полное отсутствие в святилище на Алтын Депе, где была обнаружена эта головка, женских терракотовых статуэток — они были заменены иными культовыми объектами⁷. Однако вывод, сделанный В. М. Массоном из этой правильной предпосылки, представляется неубедительным. Находясь под впечатлением месопотамских лунарных символов, автор связывает само святилище и все культовые атрибуты в нем (в том числе «гири» и миниатюрные колонки) с неким астральным божеством. Думается, что весь этот набор более соответствует атрибутам храма Тоголок-21, причем золотая головка из Алтын Депе также служила навершием булавы, на что первым обратил внимание И. Н. Хлопин⁸; дополнительным подтверждением служит гвоздик в сереб-

⁶ Бойс М. Зороастрийцы. М., 1987.

⁷ Массон В. М. Алтын-Депе. Л., 1981. С. 75.

⁸ Хлопин И. Н. Образ быка у первых земледельцев Средней Азии // Древний Восток и мировая культура. М., 1981. С. 29.

ряной обкладке, найденный рядом с головкой и служивший для крепления ее к стержню. Отметим, что весь комплекс святилища Алтын Депе резко отличается от собственно южнотуркменского, но близок к маргианскому, лишняя раз указывая на то, что верхние слои Алтын Депе отражают сильное влияние пришлых племен, родственных, очевидно, тем, что в начале II тыс. до н. э. проникают в Маргиану⁹.

На полах помещений парадной части крепости Тоголок-21 было обнаружено около десяти раздавленных и частично сохранившихся культовых сосудов с наклепными скульптурными фигурками по венчику, настолько хрупкими, что это исключает их бытовое назначение. Наиболее полное представление о них дает сосуд с поселения Тоголок-21, внутри которого находилось пять маленьких сосудиков¹⁰ (рис. 10). Отличительный признак всех таких сосудов — наличие по их венчику однолинейных скульптурных фриз, включающих фигурки птиц, людей и животных. Центральное место среди таких фриз занимают люди, например две стоящие рядом человеческие фигуры — одна с младенцем на груди, вторая с опущенной головой и заведенными за спину руками. Если справедливо наше предположение о том, что эти культовые сосуды использовались для разливания в них сока типа хаомы, то можно предположить, что тематика этих явно сюжетных композиций связана с мифами о священном напитке хаома в «Авесте» и сома в «Ригведе».

В этом плане специальный интерес представляет один миф в «Ригведе», повествующий об обожествлении растения сомы, где оно выступает как дитя неба и земли¹¹, которые в свою очередь мыслились как мужское и женское начало. Представляется заманчивым допустить, что на вышеописанных фризах культовых сосудов нашло отражение содержание этого мифа, по которому отец-небо забирает у матери-земли их общее дитя и уносит его на небо для обожествления. В качестве отца выступает бог грома Парджанья, так что именно с ним можно сопоставить мужскую фигурку с топором, заткнутым за пояс, — этим неизменным атрибутом бога-громовержца, изображенную на одном культовом сосуде из Бактрии¹².

Не менее показателен другой сосуд, также происходящий из разграбленных могил Южной Бактрии: на нем две человеческие фигурки представлены в позе борющихся — один делает подсечку другому. Закономерен вопрос: не отражены ли на всех таких сосудах разные эпизоды одного и того же мифа, когда отец, бог-громовержец, насильно отбирает у матери их общее дитя, чтобы вознести его на небо и возвести в ранг божества Сомы-Хаомы? Возможно, не случайно на культовых сосудах Маргианы человеческие фигурки почти всегда показаны с широко разведенными в стороны руками, как бы в борцовской позе.

Человеческие фигурки на культовых сосудах вылеплены обобщенно, без признаков пола, но в одном из помещений Тоголока-21 был обнаружен сосуд, внутри которого находились две фигурки, близко напоминающие аналогичные с культовых сосудов: ясно видно, что дитя на груди держит мужской персонаж, а второй, с руками за спиной — женский. Мы имеем дополнительное подтверждение нашему предположению о связи фриз на культовых сосудах с мифом, засвидетельствованным в «Ригведе».

⁹ Сарцианиди В. И. Юго-Западная Азия: миграции, арийцы и зороастрийцы // ИБ МАИКЦА. М., 1988. Вып. 13. С. 62.

¹⁰ *Он же*. Культовый сосуд из Маргианы // СА. 1980. № 2.

¹¹ Ригведа. Избранные гимны / Пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 1972. С. 301.

¹² Сарцианиди. Древние земледельцы ... Рис. 35.

Культы огня и опьяняющего напитка типа хаомы, казалось бы, дают все основания видеть в Тоголоке-21 подлинно зороастрийский храм, принадлежащей индоиранским, арийским племенам, однако такому допущению в первую очередь препятствует то обстоятельство, что в «Авесте» и «Ригведе» нигде не упоминаются храмы. Вместе с тем в Бактрии, где жили родственные племена и существовали сходные религиозные представления, были распространены храмы с принципиально отличной планировкой и иной культовой обрядностью. Так, в пункте Дашлы-3 рядом располагаются два монументальных сооружения явно общественного назначения. Один — «круглый храм» — построен по принципу сочетания круга и квадрата; при общем планировочном отличии от храма Тоголок-21 имеются черты сходства в деталях (например наличие однотипных молен). В центральной, явно сакральной, части «круглого храма» на невысоких специально возведенных кирпичных возвышениях устроены алтари, заполненные золой; нет сомнения, что основные культовые церемонии были связаны с огнем. Не исключено, что «круглый храм» являлся храмом огня; это предположение, однако, требует доказательств на основе нового археологического материала.

Второе монументальное здание на Дашлы-3 имеет совершенно отличную планировку, основу которой составляет прямоугольный двор, застроенный различными по назначению помещениями. При вполне очевидном отличии в планировочных принципах и здесь обнаруживаются отдельные черты сходства — например, наличие в североафганском комплексе Дашлы-3 и маргианском Тоголоке-21 камер, расположенных по обе стороны от коридора¹³. Именно эти частные моменты в сходстве при полном отличии общих планировочных принципов подчеркивают генетическое родство зодчества Бактрии и Маргианы. Вместе с тем наличие принципиальных различий указывает на их разную религиозно-функциональную направленность и соответственно культовую обрядность.

При всей интригующей загадочности этих бактрийских храмов многие крупные специалисты, такие, как Б. Брентьес, К. Йетмар, А. Парпола, связывают их с индоиранцами¹⁴. Если определение «круглого храма» как храма огня не вызывает сомнений, то более сложен вопрос о характере второго памятника с Дашлы-3. В первых публикациях он был определен как дворцово-культовый комплекс¹⁵, Б. Брентьес рассматривал его как мандалу индоиранцев. Позднее Г. А. Пугаченкова предложила считать его храмом, но посвященным какому-то другому божеству¹⁶ (затем этот вывод был повторен В. М. Массоном¹⁷).

Независимо от решения этого вопроса очевидно, что в Бактрии и Маргиане во II тыс. до н. э. были широко распространены храмы, в которых культы опьяняющего напитка и огня занимали основное место. Показательно, что оба эти культа, хотя и в измененном виде, четко прослеживаются в зороастрийской религии. Тот факт, что эти культы практиковались

¹³ Сарияниди. Древние земледельцы... Рис. 15.

¹⁴ Jettmar K. Fortified «Ceremonial Centres» of the Indo-Iranians // Ethnic Problems of the History of Central Asia in the Early Period. M., 1981. P. 220—227; Brentjes B. Die Stadt des Yima. Lpz. 1981. S. 12—15; Parpola A. The Sky-Garment. Helsinki, 1985. P. 76.

¹⁵ Сарияниди. Древние земледельцы... С. 150.

¹⁶ Пугаченкова Г. А. К типологии монументального зодчества древних стран Среднеазиатского региона // Iranica Antiqua. 1982. V. XVII. P. 23—24.

¹⁷ Массон В. М. Древние культуры Афганистана // Археология зарубежной Азии. М., 1986. С. 125. Автор повторяет аргументацию Г. А. Пугаченковой, но без ссылки на ее работу.

в монументальных храмах, как будто противоречит ортодоксальному зороастризму, так как в «Авесте» нигде не упоминаются храмы, однако уже было высказано мнение о необходимости пересмотра этого традиционного взгляда¹⁸. Кроме того, не исключено, что Зороастр при реформе старой религии мог отказаться от пышных протозороастрийских храмов, до предела упростив культовую обрядность. В любом случае новейшие археологические материалы говорят о существовании в Бактрии и Маргиане специальных храмов огня и храмов культовых возлияний наряду с «универсальными» храмами типа Тоголок-21, где оба этих культа практиковались одновременно.

Думается, что дозороастрийские храмы Бактрии и Маргианы относятся к периоду до разделения индоиранского единства, возможно, накануне ухода индоариев на индийский субконтинент. Косвенные доказательства тому может дать планировка Тоголока-21, в частности, камеры-кельи — чрезвычайно узкие, неудобные; они преднамеренно были сделаны такими, хотя рядом имелось достаточно места для устройства более обширных помещений. Если они действительно предназначались для храмовых служек-аскетов, то это обстоятельство может в будущем иметь определенное значение. Как известно, зороастризм отрицает аскетизм, однако аскетизм характерен для брахманизма. Нельзя ли предположить, что 33 кельи Тоголока-21 отражают то общее, что существовало в религиозной практике у индоиранских племен до их разделения на иранцев и индоариев? В таком случае эта традиция могла сохраниться в брахманизме, но быть отвергнутой в зороастризме при его реформе. Если признать, что храмы Бактрии и Маргианы отражают общие индоиранские традиции, то тогда невозможно удревять разделение индоиранцев на две ветви и относить его чуть ли не к началу III тыс. до н. э.; так же неправомерно помещать возможное время жизни Зороастра в период 1500—1200 гг. до н. э., как это предлагает М. Бойс. Указанные этнические процессы следует тогда отнести к более позднему времени, а время жизни и деятельности Зороастра — не ранее рубежа II—I тыс. до н. э.

Еще более сложен вопрос о родине зороастризма и тем более самого Зороастра. Однако новые археологические материалы дают, как нам представляется, основания пересмотреть некоторые устоявшиеся гипотезы и вместе с тем выдвинуть новые. Можно указать, что на основе данных археологии в пределах Юго-Западной Азии сейчас выделяется зона, где достаточно широко представлены общие религиозные представления. Доказательством того служит набор характерных признаков и прежде всего культовых предметов, которые использовались при близких, если не одинаковых обрядах. Это в первую очередь так называемые миниатюрные колонки, культовые сосуды со скульптурными фризами и костяные трубочки с лицевыми изображениями. Культовые миниатюрные колонки помимо Туркмении, как отмечалось, были известны в Бактрии, Восточном Иране и Белуджистане, но в столь большом количестве, как в храме Тоголок-21, они встречены пока только в Годари Шах (в исторической Дрангиане). Сам по себе этот факт важен уже потому, что предполагает существование в Сеистане храмов, близких к маргианским, со сходными культовыми обрядами. Показательно, что задолго до наших раскопок два таких крупнейших специалиста, как И. М. Дьяконов¹⁹ и Дж. Ньюли²⁰,

¹⁸ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 330.

¹⁹ Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира. История Иранского государства и культуры. М., 1971. С. 138.

независимо друг от друга пришли к выводу о возможной родине зороастризма Дрангиане. Столь же показательны находки миниатюрных колонок в Белуджистане и особенно в Кветте, т. е. уже практически на Индийском субконтиненте, месте обитания ведических ариев. Точно так же культовые сосуды помимо Бактрии и Маргианы известны еще в Белуджистане, и это, конечно, не случайно. Костяные трубочки, кроме Маргианы, пока нигде не известны, однако это можно объяснить их хрупкостью — вполне вероятно, что они будут обнаружены здесь в будущем.

Итак, Восточный Иран, Афганистан, южные области Средней Азии и Белуджистан выделяются в обширный регион, где можно предполагать существование в древности общих, если не одинаковых культовых церемоний, основанных на общих религиозных воззрениях. Уже было высказано предположение, что Восточный Иран мог быть центром, откуда в начале II тыс. до н.э. индоиранские племена расселились по территории «внешнего Ирана» вплоть до Бактрии и Маргианы, с одной стороны, и Белуджистана — с другой²¹. Но если история индоиранских племен во II тыс. до н.э. прослеживается, хотя и в самых общих чертах, то предшествующие события, связанные с их расселением, продолжают оставаться предметом будущих исследований.

Уже П. Амье в серии статей показал очевидные параллели между Бактрией и Эламом, а в опосредованной форме и с Месопотамией. В последних своих работах он доказал существование бактрийско-сирийских связей²², что находит теперь подтверждение в материалах Маргианы: в одной из могил была обнаружена цилиндрическая печать с изображением культового праздника; в нем принимают участие люди с головами животных, что напоминает «гибридные» существа месопотамской глиптики (рис. 11). Особый интерес вызывает микрокомпозиция со сценой акробата, прыгающего через шест, который держат два «гибридных» персонажа, а также музыкант с тамбурином — все это находит впечатляющие аналогии в сиро-хеттской глиптике. Отметим, что божество, держащее два жезла с шарами, на маргианском цилиндре бесспорно изображает бога Шамаша месопотамской глиптики, но в его сиро-хеттском варианте. Показательны «капеллы животных» и акробаты в западноазиатском искусстве, в особенности композиции в виде двух духов-гениев, держащих вместе жезл с шарами. Это, по мнению Э. Порады, отражает не просто сиро-хеттский, а митаннийский стиль²³.

Итак, очевидна перекличка композиционных тем и образов северомесопотамской и бактрийско-маргианской глиптики. Учитывая огромную территориальную отдаленность, вряд ли можно объяснить сходство простым влиянием, характерным для соседних областей. Скорее они были традиционны для иммигрантов на их бывшей родине еще до того, как они стали двигаться к «внешнему Ирану». В этом случае следует допустить общность верований и культовых обрядов сиро-хеттских и в том числе митаннийских племен и отчасти племен, колонизовавших много позднее территорию «внешнего Ирана».

Эти параллели в древней глиптике, хотя и выступающие в самой общей форме, можно сопоставить с выводами Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова о расселении индоиранских, арийских племен из переднеазиатского

²⁰ Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland. Naples, 1980. P. 129—140.

²¹ Сараниди. Юго-Западная Азия... С. 62—63.

²² Amiet. L'Age des échanges...

²³ Porada E. Remarks on the Mittannian and Middle Assyrian Glyptic Art // Akkadica. 1979. № 13.

центра. Авторы рассматривают в основном предысторию индоиранских племен, восходящую к V—IV тыс. до н. э., тогда как все вышеприведенные археологические материалы относятся в лучшем случае к рубежу III—II тыс. до н. э. Однако думается, что данные лингвистики и археологии находят взаимные соответствия²⁴.

Все сказанное касается лишь незначительной части композиций бактрийско-маргианской глиптики, представляющих собой как бы реликты на фоне огромного документального материала. Доказательством этого служат печати-амулеты мургабского стиля, свидетельствующие о существовании особого бактрийско-маргианского пантеона, не похожего ни на один из известных в Передней Азии²⁵. Для нашей темы принципиальное значение имеет тот факт, что антропоморфные божества с двумя орлиными головами могли отражать процесс создания образа верховного божества, как бы предвосхищая идею единобожия, которая засвидетельствована в зороастрийской религии.

В еще большей степени показателен демонологический характер этих верований, основную идею которых составляет извечная борьба змееподобных драконов с рептилиями за право обладания жизненной силой, а в конечном счете и самой жизнью. Добрые и злые духи находятся в постоянном взаимном единоборстве, в борьбе друг с другом, что четко прослеживается на амулетах Бактрии и Маргианы: композиции буквально пронизаны дуалистической идеей борьбы двух противоположных начал — Добра и Зла. Дуализм и борьба доброго и злого начал, составляя, как известно, едва ли не главную сущность этико-философской системы зороастризма, находит впечатляющие аналогии в древних мифах и верованиях Бактрии и Маргианы. Это ясно демонстрируют тематические композиции. Иначе говоря, есть веские основания предполагать, что основная концепция зороастризма могла иметь свои истоки среди верований, распространенных у племен, обитавших на обширной территории «внешнего Ирана».

С другой стороны, кроме уже отмеченных соответствий мы не находим в глиптике Месопотамии подобных композиций (за исключением, пожалуй, нескольких печатей Тесе Гавра, где змеи показаны в сочетании с животными, напоминающая бактрийско-маргианские). Все это заставляет допустить, что, прежде чем появиться в Бактрии и Маргиане, мифы и лежащие в их основе идеи противопоставления доброго и злого получили оформление в промежуточном пункте. Не исключено, что это могли быть районы Восточного Ирана. К сожалению, он плохо изучен в археологическом отношении, и пока полностью не изданы материалы из Шахдада, судить об этом чрезвычайно сложно²⁶.

Несмотря на всю условность многих выводов, можно утверждать, что протозороастрийский храм Тоголок-21 с его ярко выраженными культами огня и опьяняющих напитков, вместе с мифологическими представлениями борьбы добра и зла, засвидетельствованными в глиптике, а также намечаемый процесс сложения образа верховного божества позволяют заново подойти к проблеме родины зороастризма и Зороастра. Думается, что предполагаемую родину следует помещать на территории «внешнего Ирана» и в первую очередь в Восточном Иране, включая Бактрию и Маргиану.

²⁴ Галкредидзе Т., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984. С. 914—915.

²⁵ Сарцианиди В. И. Древнебактрийский пантеон // ИБ МАИКЦА. М., 1986. Вып. 10. С. 10.

²⁶ Hakemi A. Catalogue de l'Exposition: Lut, Xabis (Shanded). Tegerhan, 1972.

Последние две области в археологическом отношении изучены полнее чем Восточный Иран, что заставляет оперировать именно этими материалами. Поэтому перечисленные признаки не должны рассматриваться как исключительно бактрийские или маргианские. Напротив, в них следует видеть частное проявление общего восточноиранского единства во II тыс. до н. э. В этой связи знаменательны находки в Белуджистане (помимо миниатюрных колонок и ритуальных сосудов) амулетов с композициями, которые передают идею борьбы змей и драконов за обладание «жизненной силой». Иначе говоря, на территории, куда специалисты помещают ведических ариев, обнаруживаются те же предметы культовой обрядности, что и у восточноиранских племен; это наследие общего индоиранского единства.

A PROTO — ZOROASTRIAN TEMPLE IN THE KARAKUM DESERT
AND THE PROBLEM OF ZOROASTRIANISM IN CENTRAL ASIA
V. I. Sarianidi

Excavation of the Togolok-21 site in Margiana, in the southeastern part of the Karakum, has brought to light remains of a monumental structure of an undoubtedly ritual purpose, presumably a temple. In the centre, behind two strong brick walls, lies a central 'fortress' where hallucigenic beverages were made from poppy and Ephedra (fossilised remains of which have been found in special vessels). In the 'covered court' of the 'fortress' ritual sacrifices of animals and ritual libations were made. In the western part of the complex there is a 'platform area' centred on altar chambers sunk deep into the ground, with traces of intense fire — seemingly fire altars. In the eastern part of the complex there is an 'altar area' in which two round altars of the same type stand next to one another, on the bigger of which ritual libations would seem to have been made.

The general layout of Togolok-21, and the specific set of finds, may mean that it was a temple connected with the making of haoma-type ritual drinks and secondarily with fire worship. All these observations and others suggest that Togolok — 21 was a proto-Zoroastrian temple in which cults were practised that were transformed later into the true Zoroastrian religion. These observations also help locate the original birthplace of Zoroaster and Zoroastrianism in eastern Iran, along with Bactria, Margiana, and presumably Baluchistan. Evidence of the existence of a common ritualism are the so-called 'miniature columns', the ritual vessels with sculptured friezes around the rims, little bone pipes with depictions of faces, and so-called Murghab amulets with compositions that reflect a clearly expressed dualistic idea of the struggle of good and evil forces. The similar set of cult accessories points not only to a similar ritualism but also to similar ethical-religious ideas.

Comments on this article, by F. Grenet, V. A. Gaibov, G. A. Koshelenko, V. A. Livshits, I. M. Steblin-Kamensky, B. A. Litvinsky, I. V. Pyankov, follow the text.